

БЕДНАЯ НЕВЕСТА

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анна Петровна Незабудкина, вдова небогатого чиновника.

Марья Андреевна, ее дочь.

Владимир Васильевич Мериц } молодые люди, зна-
Иван Иванович Милашин } комые Незабудкиной.

Платон Маркович Добротворский, старый стряпчий.

Максим Дорофеевич Беневоленский, чиновник.

Арина Егоровна Хорькова, вдова, мещанка.

Михайло Иванович Хорьков, сын ее, бывший студент.

Карповна, сваха (по купечеству) в платочке.

Панкратьевна, сваха (по дворянству) в чепчике.

Дарья, горничная Незабудкиных.

Мальчик Добротворского.

Официант и разные лица, являющиеся в пятом действии смотреть свадьбу.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет комнату; на задней стене две двери: одна в комнаты, другая на улицу; с левой стороны окно, у окна пьалцы, далее фортепяно; с правой стороны диван и большой круглый стол.

Явление первое

Марья Андреевна (сидит за пьалцами)
и Анна Петровна (на диване).

Анна Петровна. Вот тут и живи, как хочешь. Как бы папенька-то твой не мотал без памяти, так бы другое дело было, а то оставил нас почти ни с чем. Дела все запутаны, тут тяжба еще!.. Вот дом-то отнимут, что тогда делать-то? Ты только подумай, как мы тогда жить-то будем!.. А что я! Мое дело женское, да я и не знаю ничего: я сама привыкла за людьми жить. *(Молчание.)* Хоть бы ты замуж, что ль, Маша, шла поскорей. Я бы уж, кажется, не знала, как и бога-то благодарить! А то как это без мужчины в доме!.. Это никак нельзя.

Марья Андреевна. У вас ведь, маменька, уж один разговор.

Анна Петровна. Что ж такое не говорить-то! От слова-то тебя убудет, что ли? На-ка поди, уж и говорить-то нельзя. Что такое, в самом деле!

Марья Андреевна. Разве я виновата, маменька, что мне никто не нравится?

Анна Петровна. Как это не нравится, я не знаю; это так, каприз просто, Маша.

Марья Андреевна. Какой же каприз, маменька? Кто за меня сватался, вспомните хорошенько, что это за люди?

Анна Петровна. Что ж делать-то, Машенька? Что ж делать-то, друг мой? Где ж нам тебе красавцев-то взять? Нынче хорошие-то женихи всё денег ищут, не хотят видеть, что ты у меня красавица. Куды это я табатерку засунула, уж и не знаю! Посмотри-ка там на столике... Постои, здесь, в кармане. Нет уж, как бы, кажется, тебя не полюбить! Все ветер в голове-то у молодых людей. Да, признаться сказать, ведь и ты-то очень разборчива. А ты подумай, ведь у нас не горы золотые — умничать-то не из чего!

Марья Андреевна. Хорошо, хорошо.

Анна Петровна. Да что хорошо-то?

Марья Андреевна. Я подумаю.

Анна Петровна. Да о чем думать-то, скажи ты мне, сделай милость. Додумаешься до того, что просидишь в девках.

Марья Андреевна. А что ж за беда такая?

Анна Петровна. Глупа еще ты — вот что. *(Сидит, надувшись. Молчание.)* Что это, ей-богу, хоть бы Платон Маркыч пришел. Уж я и не знаю, что мне делать-то. Вот был чулок, вот где теперь чулок?

Марья Андреевна. Вот, маменька, чулок. *(Подает.)*

Анна Петровна *(вяжет чулок)*. Нейдет Платон Маркыч, да и только; что хочешь, тут и делай.

Марья Андреевна. Да зачем вам, маменька, Платон Маркыч понадобился?

Анна Петровна. Как зачем? Что мы знаем тут, сидя-то; а он все-таки мужчина. Буточник бумагу какую-то приносил, кто ее там разберет? Вот поди ж ты, женское-то дело какое! Так и ходишь, как дура. Вот целое

утро денег не сочту. Как это без мужчины, это я уж и не знаю, тут и без беды беда. Возьми-ка, Маша, бумажку, да посчитай мне деньги-то, сделай милость.

Марья Андреевна. Говорите, я и так сочту.

Анна Петровна. Постой, Маша. Заторопишь ты меня — я опять собьюсь. Где это бумажка-то у меня? Дай бог памяти... Вот она! Постой — нашла. Вот сочти возьми. Давеча считала, считала на счетах — либо целкового не хватает, либо два лишних, а уж Дарью лучше не заставляй. Да уж и в голове-то все не то. Дело-то меня беспокоит очень, об доме-то нужно с Платоном Маркычем поговорить. Все-таки мужчина.

Дарья входит.

Явление второе

Те же и Дарья.

Дарья. Барыня, а барыня! От Платона Маркыча мальчик пришел.

Анна Петровна. Позови его сюда.

Дарья уходит. Входит мальчик.

Мальчик. Платон Маркыч кланяться приказали; прислали газеты вчерашние и записочку-с да приказали о здоровье спросить.

Анна Петровна. Господи! Куды это я очки дела? Поищи, Маша, сделай милость.

Марья Андреевна ищет очки.

Марья Андреевна. Да позвольте, маменька, я прочитаю. Я думаю, у вас с Платоном Маркычем секретов нет.

Анна Петровна. Прочитай, Маша! Какие секреты! Я его об деле просила. Вот женское-то дело: ведь и жаль беспокоить Платона-то Маркыча — старый человек, а делать нечего.

Марья Андреевна (*читает*). «Ваше высокоблагородие, милостивая государыня Анна Петровна! Честь имею вас уведомить, что все поручения ваши я исполнил в точности и с удовольствием, и впредь прошу вас такие возлагать на меня. При сем посылаю вам «Ведомости» вчерашнего числа. Насчет того пункта, о котором вы меня просили, я в названном вами присутственном месте был: холостых чиновников для Марьи Андреевны достойных нет; есть один, но я сомневаюсь, чтобы оный вам понравился, ибо очень велик ростом, — весьма много больше обыкновенного, и рябой...» (*Смотрит с умоляющим видом.*) Маменька!

Анна Петровна. Читай, читай.

Марья Андреевна (*продолжает*). «Но, по справкам моим от секретаря и прочих его сослуживцев, оказался нравственности хорошей и непьющий, что, как мне известно, вам весьма желательно. Не прикажете ли посмотреть в других присутственных местах, что и будет мною исполнено с величайшим удовольствием. Дело ваше, по случаю упущений с вашей стороны, приняло дурной оборот; но вы, сударыня, не извольте беспокоиться: ибо я нашел весьма знающего человека, который может оным делом руководствовать. О прочем буду иметь честь объяснить вам при личном свидании. Остаюсь, всегда готовый к услугам, Платон Добровольский». Что это вы, маменька, делаете? Посылаете Платона Маркычу по присутственным местам женихов искать! Это уж бог знает что такое!.. И ни слова об этом не скажете; это уж обидно даже. Ах, маменька, что вы со мной делаете! (*Садится к пядьцам.*)

Анна Петровна. Никакой тут обиды нет! Ты, Маша, этого не знаешь, это уж мое дело. Я ведь тебя не принуждаю; за кого хочешь, за того и пойдешь. А это уж мой долг тебе жениха найти. (*Мальчику.*) Кланыяся, милый, Платону Маркычу; скажи, что приказали благодарить; слава богу, мол, здоровы.

Мальчик. Слушаю-с.
Анна Петровна. Поди сюда, я тебе дам записочку
Платону Маркычу.

Уходят.

Явление третье

Марья Андреевна (*одна*). Вот всякий день этакий разговор! Как это не надоест маменьке, право. Такая тоска, такая тоска, что не знаешь, куда деться! (*Шьет в пяльцах.*)

Дарья входит.

Явление четвертое

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас!

Марья Андреевна. Что ты все сердишься?

Дарья. Да как же, барышня, не сердиться-то! Этакой народ, не поверите! Бегу из лавочки, а тут какой-то дурак остановился на дороге да прямо в глаза и смотрит. Что, говорю, бельмы-то выпучил, чего не видал, на мне ничего не написано. Да как, говорит, на тебя, на красавицу этакую, не посмотреть. Плюнула да и пошла. (*Ищет что-то.*) Вот вечно растеряет, а тут ищи. О чтоб!..

Марья Андреевна. Что ты там ищешь?

Дарья. Да табатерку барыня потеряла... Нашла.

Марья Андреевна. Что, Даша, хороша я?

Дарья. Вы-то? Красавица-раскрасавица.

Марья Андреевна. Давай поменяемся, вот и не будут смеяться над тобой.

Дарья. И, матушка, на что мне красота.

Марья Андреевна. А мне на что?

Дарья. Что это вы, барышня, говорите! Посмотрите-ка, какой молодец в вас влюбится, любо-дорого глядеть; полковник какой-нибудь возьмет.

Марья Андреевна. Где уж, Даша, влюбиться! Маменька говорит, что замуж пора.

Дарья. Что ж! Отчего ж и замуж нейти?

Марья Андреевна. Так зачем же быть красавицей-то?

Дарья. Как это можно, лучше муж будет любить. Вот у соседки две дочери: старшая-то худая такая, как спичка; а младшая-то румяная да гладкая; еще шестнадцати лет нет, а как словно она троих ребят выкормила. Вот мать-то и говорит: боюсь, говорит, старшую-то замуж отдавать, муж любить не станет; вот эту, говорит, любить будет. Затолковалась я с вами, барышня; старуха-то, пожалуй, рассердится. *(Уходит.)*

Явление пятое

Марья Андреевна одна и потом Дарья.

Марья Андреевна. Маменьке легко говорить: выходи замуж! Да за кого я пойду! Я без ужаса себе представить не могу, как выйти за человека, к которому, кроме отвращения, ничего не чувствуешь. *(Задумывается.)* Всякий урод думает, что он вправе посвататься, и даже считает это каким-то одолжением, потому что она, говорят, бедная невеста. Иной просто торгует меня, как вещь какую-нибудь: я, говорит, имею состояние, у вас ничего нет, я вашу дочь за красоту возьму. *(Смотрит в окно, задумавшись.)* Мерич! Вот прекрасно. Идет такой печальный, задумавшись. Желала бы я знать, о чем он думает, уж верно не обо мне. *(Подходит к зеркалу.)* Ах, какая я глупая! Ну с чего я так покраснела вся, и голос дрожит. Надобно немного успокоиться — он, пожалуй, заметит. А что ж такое, мне бы даже хотелось, чтоб он заметил; что бы он стал делать? Ах, какие глупости! Что я вру? Дарья! Дарья!

Входит Дарья.

Поди попроси Владимира Васильевича в сад пройти!

Дарья. Хорошо, барышня. *(Уходит.)*

Марья Андреевна *(поправляется перед зеркалом)*. Тут поминутно разные свахи являются, очень приятно смотреть на них! Я-то уж пригляделась, а ему, я думаю, очень дико покажется. Ах, как я рада ему, — он так редко у нас бывает...

Дарья *(входит)*. Пожалуйста, барышня, он в саду.

Марья Андреевна уходит.

(Стирая пыль с мебели.) Чтой-то у меня за барышня, право... Дай ей бог жениха хорошего! *(Останавливается посредине комнаты с тряпкой в руке.)* Если это рассудить теперь, как это все на свете делается: богат ты, ну и всякий тебя уважает, а беден, так и рыло воротят. Уж это значит, не человек нужен, а богатство. *(Растопыривает руки.)* Мудрено это все делается! *(Взглянув в окно.)* О, чтоб вас! Кого-то принесло. *(Идет к двери.)*

Карповна входит.

Явление шестое

Дарья и Карповна.

Карповна. Даша, здравствуй!

Дарья. Здравствуй, Карповна. Чтой-то ты пропала?

Карповна. Что, душа, — все хлопоты; нет ли чего новенького у вас?

Дарья. Какое новенькое! Откуда ему быть-то.

Карповна *(садясь)*. Уж и как, девушка, жарко.

Дарья. Ишь ты, как расползлась, бог с тобой.

Карповна. А что, девка, ведь и то никак я потолстела. Ты что ж не поправляешься?

Дарья. Ты говоришь: не поправляешься! Да с чего мне поправляться-то? Другое дело, кабы жила я покойно, а то... ах... *(Подходит к ней и говорит вполголоса.)* То есть ты, Карповна, не поверишь, целый-то она день-деньской, как часы заведенные, — и то не так, и другое не по ней —

и пошла ворчать, и пошла... Женщина я горячая, ничего на себе не могу перенести, ну и выговоришь; и пошел дым коромыслом... брань да история. То есть, кажется, кабы только не моя привычка к этому дому, как уж седьмой год живу, так я бы ни одного дня не осталась.

Карповна. Ишь ты, девка! а!.. *(Качает головой.)*

Дарья. Женщина же я горячая; закипит это, закипит, и как вдруг туман в глазах, рада, кажется, горло перервать. Только у меня сердце отходчивое, сейчас как ничего и не бывало, а она все ворчит... То есть, кажется, кабы не моя привычка, как я седьмой год живу... Уж так думаю: ну... *(Махнув рукой.)*

Карповна. В людях жить, душа, кому сладко.

Дарья *(подходит к ней ближе и говорит почти шепотом)*. Намедни говорит: такая ты и этакая! Что, говорит, долго в лавочку ходила! Ты с лавочниками якшаешься! Как, говорю, сударыня! Кто меня застал? Нет, говорю, не извольте... Я, говорю, девушка, как есть... ни в чем... Ах, кажется... уж лучше не говорить... *(Помолчавши.)* Барышню поедом съела! Выходи, говорит, замуж... «За кого я, говорит, маменька, пойду?» Да ведь и вправду: ну за кого она пойдет, за какого шута горохового? Уж хоть бы ты, Карповна, ей хорошего жениха нашла.

Карповна. Найдить-то я нашла, да не знаю, как понравится.

Дарья. Я так думаю: офицера бы ей найти. Смотри-ка, мимо нас какие хорошие ездят. Никак кто-то идет. *(Идет к двери.)*

Входит Панкратьевна.

Явление седьмое

Те же и Панкратьевна.

Панкратьевна. Что, милушка, дома барыня?

Дарья. Дома.

Панкратьевна. Скажи, что Степанида Панкратьевна пришла.

Дарья уходит.

(Взглянув на Карповну.) Ба, ба, ба... Залетела ворона в высокие хоромы! Ты как сюда попала?

Карповна. А вот как попала, так и попала. Это что еще за спрос такой проявляется!

Панкратьевна. Ишь тебя везде носит! Знала бы свое купечество.

Карповна. А ты небось с дворянством все знакома; то-то ты хвосты-то и отрепала, по передним-то шлям-шись.

Панкратьевна. Невежа! Я с тобой и говорить-то не хочу.

Карповна. Ха, ха, ха, ха... Ты, что ль, больно вежлива! Ты вот с дворянами водишься, а ходишь ощипанная да обдерганная, страм смотреть-то; а я с купечеством, да своим домом живу, не хуже кого другого, и в ламбарте есть. Напялила чепчик-то, так и на-поди, думаешь, что тебя и рукой не достанешь!.. Да я коли захочу, так в поларшина взбодрю. *(Смеется.)* Еще важней тебя буду!

Панкратьевна. Что с невежей и говорить. Обращения ты никакого не знаешь, — как есть дура, невоспитанная!

Карповна. Вот дура, да почище тебя, никто на ногу не наступит. *(Молчание.)*

Панкратьевна. А вот как узнает Мартын Мартьяныч, зачем ты к ним ходишь, так он тебе форс-то собьет.

Карповна. А зачем я хожу-то? Ну, скажи, зачем?

Панкратьевна. Ну, известно, зачем.

Карповна. Как тебе не знать! Врешь, врешь ты! Тринадцатый год вдовею, ни в чем не замешана. Ты, видно, с больной головы на здоровую.

Анна Петровна входит.

Явление восьмое

Те же и Анна Петровна.
Свахи встают и кланяются.

Анна Петровна. Здравствуйте! Ну что? Что? Говорите скорей.

Обе молчат.

Что вы молчите?

Карповна. Пусть она сначала говорит, у нее благородные.

Анна Петровна. Ну, говори ты, Панкратьевна!

Панкратьевна. Есть у меня два жениха, Анна Петровна, такие кавалеры, что чудо!

Анна Петровна. Какие ж они такие?

Панкратьевна. Служащие, матушка, благородные.

Анна Петровна. Что ж они, с состоянием?

Панкратьевна. Служат, матушка, жалованье получают.

Анна Петровна. Да живут-то они каково?

Панкратьевна. Живут хорошо. Один стихи пишет, другой все поет целый день. А уж какие учтивые, да какие влюбчивые! Как, говорит, увижу хорошенькую барышню, так бы и женился, ни на что не посмотрел.

Анна Петровна. А чины у них какие?

Панкратьевна. Чины небольшие, из себя-то уж больно красавцы.

Карповна. Голь все это, как я посмотрю.

Анна Петровна. Ну, а у тебя что, Карповна?

Карповна. Есть-то у меня, есть, такой туз — не е женихам чета, да лишнее бревнышко у нас в горнице.

Анна Петровна. Ну, хорошо. Поди, Панкратьевна! Наведайся как-нибудь на днях.

Панкратьевна. Прощайте, Анна Петровна. *(Уходит, свирепо взглянув на Карповну.)*

Анна Петровна. Ах, Карповна, уж кабы ты нам нашла жениха, я бы тебе такое спасибо сказала... Сама ты знаешь, мое дело женское, ничего я не знаю... Как это можно без мужчины!..

Карповна. Так вот, матушка, не было ни гроша, да вдруг алтын. Такой туз, что рукой не достанешь.

Анна Петровна. Кто ж такой — говори, не мучай.

Карповна. Сава Савич Белугин.

Анна Петровна. Что ты! Ведь миллионщик!

Карповна. Миллионщик, миллионщик.

Анна Петровна. Как же это он вздумал?

Карповна. Да что, матушка, дети одолели. Ведь у него дети-то поди-ка какие. Сам-от он в большом доме не живет, знаешь, что с балконом-то. Сыновья-то там запрутся, да и пьют, кранболь у них там всякий идет. Да что ж выдумали: выскочит это который-нибудь на балкон, глаза вытаращит, руки подымет, закричит страшным голосом да назад; потом, погодя немного, другой, так и прокуратят. Что хорошего!

Анна Петровна *(качая головой)*. А-я-яй, а-я-яй!

Карповна. Ну, сама посуди, отец-то смотрит, смотрит...

Анна Петровна *(заглянув в окно и увидав идущую Хорькову)*. Ну, хорошо, Карповна, спасибо тебе. Сама ты знаешь, мое дело женское... зайди на днях, потолкуем... теперь некогда, — вон Хорькова идет.

Карповна. Зайду, зайду. *(Кланяется и уходит.)*

Входит Хорькова.

Явление девятое

Анна Петровна и Хорькова.

Анна Петровна. Арина Егоровна! Милости просим! Присядьте!

Хорькова. Я ведь, Анна Петровна, на минуточку, совершенно на минуточку. Вообразите, была в городе —

дай, думаю, зайду к Анне Петровне; они хоть и спесивы, никогда нас не навестят, ну да уж, думаю, зайду.

Анна Петровна. Извините, матушка, все дела, ей-богу, некогда, сами посудите, дело мое женское: везде сама должна. Вот у нас теперь тяжба об доме, так ведь ночи не сплю. Ну, как отнимут, куда я денусь?.. А у меня дочь невеста.

Хорькова. Вот я, Анна Петровна, благодарю бога. Вы знаете моего Мишу, такой скромный, такой почтительный. Мне, говорит, маменька, нужды нет, что вы женщина простая и необразованная, а я, говорит, образованный человек — я вас люблю и обожаю. Вы представьте, ведь он у меня теперь на линии дворянина. Старостиха наша говорит мне наемни: «У вас такой сын, Арина Егоровна, такой сын, что мы, говорит, все завидуем: скромный, почтительный, и никаких, говорит, шалостей за ним не слышать. Что, говорит, вы его, Арина Егоровна, не жените?» А я думаю себе: понимаю, куда ты метишь. У нее, представьте, три дочери, и она помногу денег дает за ними; только девушки, я вам скажу, без всякого образования; хоть я и сама женщина необразованная, но очень хорошо могу понимать это. Прихожу домой, говорю: «Миша! Не хочешь ли, друг мой, жениться; мне, говорю, от богатых невест отбою нет, все, говорю, друг мой, в тебя, за твою кротость и образование, влюбляются. Я, говорю, с тебя, друг мой, воли не снимаю — ты сам умнее меня и образованнее; а когда ты задумаешь, открой, говорю, мне свои мысли, я тебе найду невесту». — «Хоть я, говорит, маменька, и образованный человек, но я всегда предпочитаю с вами об деле разговаривать». — «Всякая, говорю, девушка за тебя пойдет с радостью, есть, говорю, у меня для тебя невеста и с богатством, и с красотой». Миша меня, представьте себе, обнял и говорит мне: «Милая маменька, не в богатстве счастье, все, говорит, это тлен. Сходите, говорит, к Анне Петровне: я их уважаю; какое они обо

мне мнение имеют; душевное, говорит, мое есть желание понравиться Марье Андревне».

Анна Петровна. Покорно вас благодарю, Арина Егоровна! Мне самой ваш сын очень нравится. Я все к вам думала побывать, да памяти нет: совсем и забуду, как забуду. Вы знаете мое душевное желание видеть Машеньку замужем поскорее; все средства употребляю, чтобы ей хорошего человека найти. Я, признаться вам сказать, смолоду была женщина избалованная: при муже, при покойнике, как за каменной стеной жила, ни во что не входила, а теперь, сами видите, маюсь, маюсь — разломит всю. Как это без мужчины в доме, посудите? Женщина я слабая, сырая, позабывчивая. Кабы мне ее с рук сбить, я бы была гораздо покойнее.

Хорькова. Чего ж думать, Анна Петровна. Мишу моего вы знаете с хорошей стороны; в обществе он, по своему званию, превозвышен. Я, конечно, женщина простого звания, но совсем не тех понятий: я довольно далека от этого круга и довольно облагорожена в своих чувствах.

Анна Петровна. Я принуждать Машеньку не могу — это ее воля. Вы скажите Михаилу Иванычу, чтобы он постарался понравиться Машеньке, — я буду очень рада.

Хорькова. Он у меня такой застенчивый, всего боится. Странно, я говорю ему, Миша, ты человек образованный, а такой застенчивый; чего тебе, друг мой, с твоим умом и образованием бояться? — всякая девушка с радостию тебя полюбит. Так уж вы мне позвольте его обнадежить, Анна Петровна.

Анна Петровна. Скажите ему, что я с своей стороны согласна и переговорю об этом с Машенькой.

Хорькова. Покорно вас благодарим, мы будем надеяться. *(Молчание.)* Какой миленький чепчик на вас; почем вы брали ленточки?

Анна Петровна. Уж и не спрашивайте — память ведь у меня плоха; кажется, по восьми, не то по семи гривен.

Хорькова. Миленький, очень миленький... Вы мне одолжите выкрочку вашей визитки, хочется черный муаре сделать. Вот, представьте себе, так и сплю и вижу — непременно черный муаре.

Анна Петровна. Куда это я ее засунула? Спросить у Дарьи надобно. Вот кабы Машенька замуж вышла, уж я к свадьбе-то бы себе какую-нибудь на Кузнецком мосту заказала, понарядней.

Хорькова. Не советую, Анна Петровна, не советую. У меня есть знакомая портниха, она вам сделает просто и благородно. Я женщина простого звания, а люблю одеваться со вкусом и чтобы все было благородно. Мне Миша всегда говорит: «Вам, говорит, маменька, удивляться надобно, какой вы имеете вкус и рассудок. Я, говорит, вас люблю и уважаю; мне, говорит, нужды нет, что вы не получили никакого образования». Прощайте, Анна Петровна, поищите мне выкрочку.

Анна Петровна (*встает*). Пойдемте, она, должно быть, у меня в комнате; поищемте вместе.

Идут к двери. Милашин входит.

Явление десятое

Те же и Милашин.

Милашин. Здравствуйте, Анна Петровна!

Анна Петровна. Здравствуйте, Иван Иванович! Машенька, должно быть, в саду гуляет.

Милашин подходит к окну.

Хорькова (*осматривает Милашина*). Кто это, Анна Петровна?

Анна Петровна. Милашин, Иван Иванович.

Хорькова. Ну, это вашей дочке не жених.

Анна Петровна. Какой жених!

Уходят.

Явление одиннадцатое

Милашин (*один у окна*). Что это! Мерич опять здесь! Ну, так и есть. Я этого и ожидал. Черт возьми, это досадно! Нет, я этого не позволю. (*Ходит по комнате.*) Сколько времени я все силы употребляю, чтоб ей понравиться, бьюсь, бьюсь — и все ничего; а тут какой-нибудь... Я решительно не могу видеть, как она с ним любезничает. Как бы мне его выжить отсюда! Жениться на ней? Так она за меня не пойдет, потому что мне жить нечем, да и, кажется, она не любит меня. Да из чего ж я бьюсь? Просто уйти, бросить и не обращать внимания. Но, однако же, надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: «У вас теперь, Марья Андреевна, есть новые знакомые, с которыми вам веселей, чем со старыми; но вы теряете друга, который был вам предан». Она, конечно, будет меня уговаривать, а я ей: «Нет, скажу, коли у вас есть лучше, так уж что же мне здесь делать; может быть, я вам уж надоел; прощайте, скажу... навсегда». — «Но зачем же навсегда, Иван Иванович?» — «Нет, скажу, если прощаться, так навсегда, у меня такой характер». Взять шляпу и уйти... Ну, что ж потом! А, черт возьми! Она еще, пожалуй, будет рада, что я ушел, а Мерич и подавно! Так нет же, останусь, назло им; буду ходить каждый день, буду в глаза смеяться над Меричем: уж как-нибудь да я его выживу отсюда!.. Я на всякое средство решусь!.. (*Ходит по комнате.*)

Входят Марья Андреевна и Мерич.

Явление двенадцатое

Милашин, Мерич и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Здравствуйте, Иван Иванович! Что, ушли свахи?

Милашин. Кажется, ушли; мне навстречу две попались.

Марья Андреевна. Как это скучно! (*Стоит, задумавшись.*) Заходите к нам, Владимир Васильич, почаще. Обещайте.

Мерич. Смею ли я послушаться, когда вы приказываете. Только я вам повторяю, Марья Андреевна, я вас боюсь.

Марья Андреевна. Полноте шутить-то!

Милашин делает гримасы довольно заметно.

(*Милашину*). Что с вами: вы нынче как будто не в духе?

Милашин. Так-с, у меня что-то голова болит.

Мерич. Голова болит! Это нехорошо. Вы лечитесь. Прощайте, Марья Андреевна, засвидетельствуйте мое почтение маменьке.

Марья Андреевна. Когда же вы к нам?

Мерич. Завтра, если можно.

Марья Андреевна. Очень можно! Так завтра. Я буду ждать.

Мерич. Непременно. (*Уходит.*)

Марья Андреевна подходит к двери.

Марья Андреевна. Смотрите же, не обманите.

Мерич (*за сценой*). Честное слово!

Явление тринадцатое

Марья Андреевна и Милашин.

Милашин. Что это он с вами говорил в саду, Марья Андреевна?

Марья Андреевна. А вам какое дело? Вы очень любопытны.

Милашин. Извините, Марья Андреевна, я думал, что у вас с Меричем нет особенных секретов. Я не знал... Может быть, это что-нибудь такое, чего и сказать нельзя.

Марья Андреевна. Может быть.

Милашин (*после непродолжительного молчания*). Скажите, Марья Андреевна, за что вы меня не любите?

Марья Андреевна. Полноте, что вы! За что мне вас не любить?

Милашин. Конечно, я не так хорош, как Мерич; не бываю в обществе; не говорю по-французски. Нынче эти качества очень ценят. Будь глуп, как пробка, только умей любезничать, болтать... Вот что нынче нравится. Это смерть досадно!

Марья Андреевна. Вы очень любезны.

Милашин. Вы меня извините, Марья Андреевна, а я говорю правду; я не виноват, если это вам не нравится... Чем я хуже какого-нибудь Мерича? Если б я захотел, я бы мог во сто раз быть лучше его. Мальчишка! Нигде не учился; выучился только болтать по-французски в каком-то пансионе. Я, по крайней мере, в гимназии курс кончил. Как он смеет смеяться надо мной! Ничего не делает, только числится на службе, чтобы первый чин получить. Что у него отец-то богат, так невелика важность!

Марья Андреевна. Что он вам мешает?

Милашин. Да помилуйте, самый пустой человек!

Молчание.

Марья Андреевна. Послушайте, Иван Иванович, вы влюблены в меня?

Милашин в смущении.

Бедный, мне вас жаль! Извините вы меня...

Милашин. Пожалуйста, не жалейте! Что ж делать, насильно мил не будешь. Осчастливьте того, кто достойнее меня!

Дарья (*входит с самоваром*). Матушка барышня, Платон Маркыч пришел.

Милашин. Очень кстати!

Марья Андреевна. Отчего ж не кстати?

Милашин. Да так, я его не люблю что-то.

Марья Андреевна. Вы, кажется, никого не любите.

Входят Анна Петровна с Добротворским.

Явление четырнадцатое

Те же, Анна Петровна и Добротворский.

Добротворский. Так вот, сударыня, дело-то какого рода.

Анна Петровна. Понимаю, понимаю, Платон Маркыч. *(Садится к столу и наливает чай.)*

Добротворский. Здравствуйте, матушка барышня, что это вы невеселы?

Марья Андреевна. Да чему же мне радоваться-то, Платон Маркыч?

Добротворский. Да и то правда. Неурожай нынче, барышня, на женихов-то неурожай.

Анна Петровна. Чаю не угодно ли?

Добротворский. Выпью-с. Не с чего невестам веселым-то быть. Ну, да уж для вас, матушка барышня, постараюсь отыскать хорошего — будете благодарить. Я еще папеньку вашего знал покойного: благодетель для меня был. Так уж не извольте беспокоиться, постараюсь. Пожалуйте ручку.

Марья Андреевна. Нет, зачем, Платон Маркыч!

Добротворский. Ничего-с, пожалуйста. *(Целует руку.)*

Анна Петровна. Подвигайтесь, Платон Маркыч, сюда поближе.

Анна Петровна и Добротворский садятся с одной стороны стола, а Марья Андреевна и Милашин с другой.

Добротворский. Слушаю, сударыня! Народ-то нынче, я говорю, сударыня, поизветреничался, женихов-то трудно искать. В наше-то время, когда мы-то были молоды, бывало, чуть мальчик поперится, поступит на службу, глядишь — женится. Тогда, сударыня, Анна Петровна, холостых-то что-то мало было и видно, а у нас в суде, так, поверите ли, ни одного холостого чиновника не было. А нынче как живут молодые люди, так только дивиться надо. А уж это непорядок.

Анна Петровна. Какой уж это порядок! Что хорошего! Ох, да никак я сахару-то забыла. Что, Маша, положила я сахару Платону Маркычу?

Марья Андреевна. Положили, маменька.

Добротворский. Что вы, сударыня, изволите говорить?

Анна Петровна. Говорю, что хорошего, — нехорошо.

Добротворский. Нет, как можно, что хорошего! В наше-то время совсем не так было. Вот оно и невестам-то веселей было: долго-то не засиживались; разве уж которая с каким-нибудь недостатком телесным, горбатая там какая, да и теми не брезгали. Вот у моей у невестки, сударыня, шесть пальцев было на правой руке, мать-то все ахала, что, говорит, не возьмут...

Анна Петровна. Скажите!

Добротворский. Хороший человек взял — и ничего. Так я и говорю, сударыня, что невестам-то веселей было, задумываться-то было не о чем.

Марья Андреевна. Да я совсем об этом и не думаю.

Добротворский. Как, чай, не думать, барышня! Не скажете только, а то как не думать! Конечно, дело девичье: этого не говорят, как будто от совести; а то как не думать, все думают. Так ли я, сударыня, говорю?

Анна Петровна. Так, Платон Маркыч, так, уж что толковать! Не хотите ли еще чашечку?

Добротворский. Пожалуйста. Вот, матушка барышня, и ваша маменька то же говорит. *(Говорит потихоньку с Анной Петровной.)*

Милашин. Дурак!

Марья Андреевна. За что вы его браните?

Милашин. Он вас совсем не понимает! Он думает, что вы так же о женихах хлопчете, как невестка его, у которой было шесть пальцев.

Марья Андреевна. А пусть его думает, что хочет; он очень добрый человек.

Милашин. Однако что они там шепчут?

Марья Андреевна. Что-нибудь о своих делах.

Добротворский (*вполголоса*). Прекрасный, сударыня, человек, и молодой еще, очень молодой. Он секретарь.

Анна Петровна. Что?

Добротворский (*громче*). Секретарь, говорю. Чин небольшой — да место хорошее. Всего у него в доме много, лошади свои.

Анна Петровна. Что? Не слышу.

Добротворский. Лошади свои.

Марья Андреевна. Что такое он говорит?

Милашин. Это что-то интересно.

Анна Петровна. Послушай-ка, Машенька, Платон Маркыч какое нам одолжение делает: нашел человека, который хочет взяться за наше дело. Говорит, что очень хороший молодой человек.

Добротворский. Прекрасный, барышня, человек; а уж делец какой — беда!

Анна Петровна. Никак я про вас-то и забыла, Иван Иваныч. (*Наливает ему чай.*) А не пьет он, Платон Маркыч?

Добротворский. Как, чай, не пить, да, должно быть, немного: кабы много пил, так бы слышно было.

Анна Петровна. Вот, Машенька, хорошо, кабы ты ему понравилась.

Марья Андреевна. Да вы, маменька, опять за свой разговор.

Анна Петровна. Ах, боже мой! Что ж такое за важность! Ты ведь его еще не видала; посмотришь, может быть, и самой понравится.

Добротворский. Мы, сударыня, с ним к вам приедем.

Анна Петровна. Ах, Платон Маркыч, как я вам благодарна! Уж я, право, не знаю, как вам это и выразить. — Сами видите, наше дело женское, что мы знаем. Так только маешься.

Добротворский. И, сударыня, что это вы говорите! Я вашему супругу покойному много обязан был...

По гроб не забуду. Благодетель мне был, дай ему, господи, царство небесное, место покойное. Чем же мне ему заплатить-то? Ну, стар стал, не на все ума хватает.

Марья Андреевна (*встает*). Вы слышали, Иван Иваныч?

Милашин (*встает*). Слышал. Это ужасно!

Марья Андреевна. Вот это у нас вечно такой разговор.

Милашин. Я не знаю. Я не могу прийти в себя. Одна мысль, что вы когда-нибудь будете принадлежать другому, убивает меня. Я, кажется, этого не перенесу.

Марья Андреевна. Вы все о себе. Вы обо мне-то подумайте хоть немножко.

Милашин. Что же об вас-то! Вы посмотрите, может быть, он вам понравится. Вы будете счастливы. — Что ж! Я готов пожертвовать даже жизнью, чтобы вы были счастливы.

Марья Андреевна. Это что такое! Полноте, перестаньте. Пойдемте в сад.

Уходят.

Добротворский. Так мы завтра приедем, сударыня. Об деле потолкуем, да он Марью Андреевну посмотрит. Может, она ему и понравится. Вот два дела разом и сделаем.

Анна Петровна. Хорошо бы, Платон Маркыч, очень хорошо. Тяжба-то эта у меня из головы нейдет, — ночи ведь не сплю. Ну, как дом-то отнимут, куда я денусь? Да и Машеньку-то уж пора выдавать, право, пора.

Добротворский. Чего, матушка, ждать! Самое время. Покорно благодарствуйте, сударыня! (*Перевертывает чашку.*) Прощенья просим.

Анна Петровна. Прощайте, Платон Маркыч; так мы ждать будем.

Добротворский. Хорошо-с.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена представляет небольшой тенистый сад:
направо от зрителей скамейка, сзади которой большой куст.
Хорьков сидит на скамейке, повеся голову.

СЦЕНА I

Явление первое

Хорьков. Ушел, струсил! Какой я жалкий человек! Однако что я делаю, наконец! За что же я гублю себя? Вот уж три года, как я кончил курс, и в эти три года я не сделал ровно ничего для себя. Меня обдает холодом, когда я вспомню, как я прожил эти три года! Лень, праздность, грязная холостая жизнь — и никаких стремлений выйти из этой жизни, ни капли самолюбия! Для себя я ни на что не решусь, я это знаю. В ней мое единственное спасение, а я не смею сказать ей, что люблю ее. Нет, надобно кончить! Неужели она не сжалится надо мной? Для нее я бы стал работать, трудиться; она одна только способна привязать меня к жизни. (*Садится.*) Боже мой, как я люблю эту девушку! Как я люблю ее!

Хорькова входит.

Явление второе

Хорьков и Хорькова.

Хорькова (*сидясь на скамейку*). Как это тебе, Миша, не стыдно! Зачем ты ушел? Только что я стала выражать Марье Андревне, как ты их любишь и как ты об них относишься, ты сейчас и бежать... Я необразованная женщина, да никогда не конфужусь, а ты всего конфузишься.

Хорьков. Ах, маменька! Не говорите, сделайте милость, обо мне с Марьей Андревной! Я сам поговорю. Вы и так про меня всегда бог знает что рассказываете.

Хорькова. Да, дождешься тебя! Странно это, Миша, ты человек образованный...

Хорьков. Да, маменька, я образован, у меня сердце доброе; кроме этого я знаю, что со мной она будет счастлива, что только я один могу оценить ее, что она погибнет в этом кругу жертвой расчета или невежества... но я боюсь, что она мне откажет.

Хорькова. Ах, боже мой! Свет-то не клином сошелся — найдем другую.

Хорьков. Где я найду другую? Хорошо, что случай свел меня с Марьей Андревной, я ее узнал, полюбил... Да поверьте же вы мне, что я так люблю Марью Андревну, что никого не могу видеть, кроме ее... Я и не думал, что так могу полюбить. Я измучился в последнее время... Вы видите, я плачу... Я не могу жить без нее.

Хорькова. А коли любишь, так откройся — это всегда так делают.

Хорьков. Я поговорю с ней, непременно поговорю: надобно же чем-нибудь кончить... А что, если она мне откажет? Теперь, по крайней, мере есть надежда, есть мечты, а тогда что?

Хорькова. Странно это, Миша: ты человек образованный, а что ты делаешь, как погляжу я на тебя. Никакого ты знакомства не имеешь, делом не занимаешься,

валяешься дома в халате с трубкой. Вот теперь влюбился, а сказать боишься. Ты посмотри, как другие-то образованные люди живут: барышни за ними сами ухаживают... Вот, кажется, Марья Андревна сюда идет.

Хорьков. Маменька! Ради бога, не говорите ни слова!

Хорькова. Сделай милость, не учи! Я хоть женщина и необразованная, а умею себя вести.

Марья Андреевна входит.

Явление третье

Те же и Марья Андреевна.

Хорькова (*встает*). Погулять вышли?

Марья Андреевна. Да, немножко освежиться.
(*К Хорькову.*) Вы что здесь делаете?

Хорьков. Так-с, мечтаю...

Хорькова. Он у меня все тоскует.

Марья Андреевна. Об чем?

Хорькова. Влюблен, должно быть: я так замечаю по его словам.

Хорьков. Маменька!

Хорькова. Посмотрите, как страдает: право, мне на него даже тяжело смотреть.

Хорьков. Маменька! Ах, боже мой!

Марья Андреевна. Право, мне не верится. В кого же влюблен Михайло Иваныч?

Хорькова. Уж это извольте спросить сами. Миша!
(*Делает, ему знак и уходит.*)

Явление четвертое

Хорьков и Марья Андреевна.

Марья Андреевна (*сидясь подле Хорькова*). Что вы такие скучные? Вы в самом деле влюблены?

Хорьков. Да, я не знаю, что со мной делается.

Марья Андреевна. А я так плачу нынче целое утро.

Хорьков. Об чем же вы плачете?

Марья Андреевна. Маменька все с женихами пристаёт. Какой-то купец старик, да нынче еще чиновник приедет. Как вам это покажется?

Хорьков. Это ужасно!

Марья Андреевна. Да и к тому же, Михайло Иванович, — я с вами буду говорить откровенно, потому что мы очень дружны с вами. Не правда ли? (*Протягивает ему руку.*)

Хорьков (*берет ее руку*). Говорите, говорите.

Марья Андреевна. Я сама влюблена немножко.

Хорьков (*встает быстро*). Вы?

Марья Андреевна. Что вы так испугались? Не бойтесь, не в вас.

Хорьков (*садится*). Нет-с. Я так, извините.

Марья Андреевна. Как вы испугались! А вы думали, что в вас? Не бойтесь, не бойтесь: я не потревожу вашей солидности. (*Молчание.*) Вот какое мое положение, Михайло Иванович. Что вы мне посоветуете?

Хорьков. Я-с? Я решительно ничего.

Марья Андреевна. Я теперь не могу ни за кого идти... Неделю прежде я бы пошла, если бы нашелся хороший человек.

Хорьков. Неужели ни за кого?

Марья Андреевна. Решительно ни за кого.

Хорьков. А если б я за вас посватался? (*Принужденно смеется.*) Я шутя вас спрашиваю.

Марья Андреевна. И за вас бы не пошла. Я с вами дружна, а любить вас не могу.

Хорьков (*с возрастающим волнением*). А как бы я любил вас! Как бы я старался угождать вам! С какой бы готовностью исполнял малейшее ваше желание! С какой бы благодарностью я принимал каждую вашу ласку!

Марья Андреевна (*взглянув на него*). Вы шутите?.. Впрочем, если бы вы посватались, мне все-таки было бы не так тяжело: я вам могу откровенно сказать, что вас не люблю, и вы не обидитесь, а другие еще обижаются.

Хорьков. Да, да, конечно. (*Молчание.*)

Марья Андреевна. Что, каков человек — Мерич?

Хорьков. Мерич?

Марья Андреевна. Да, Владимир Васильич.

Хорьков. Не знаю, Марья Андреевна, что вам сказать; право, не знаю.

Марья Андреевна. То есть вы не хотите. Однако прощайте: мне пора к маменьке. (*Уходит.*)

Хорьков. И я, дурак, мечтал о счастье!.. Боже мой, боже мой!.. (*Сидит, закрывши лицо руками.*)

Милашин и Мерич входят.

Явление пятое

Хорьков, Милашин и Мерич.

Мерич. Что нынче здесь за праздник? Дарья такая нарядная; так разрядилась, что смотреть не хочет. Бегаёт взад и вперед с крахмальными юбками.

Милашин. Гостей ждут.

Мерич. Каких же это гостей?

Милашин. Приедет какой-то чиновник по делу Анны Петровны. Да его, кажется, прочат в женихи Марье Андреевне. Это ужасно досадно!

Мерич. Что же вы не женитесь на Марье Андреевне?

Милашин. Я-с? По самой простой причине. Нам будет жить нечем: у меня нет состояния, у нее также.

Мерич. А любовь? С милым рай и в шалаше. Мне кажется, что она вас любит.

Милашин. Может быть! Да-с, может быть! Разве вы что-нибудь заметили?

Мерич. Нет, я нарочно, Иван Иванович, — она вас не любит.

Милашин. Почему же вы так думаете?

Мерич. Я не думаю, а наверное знаю. Она мне сама сказывала.

Милашин. Это странно, что Марья Андревна так говорит. Это обидно даже. Мне, конечно, все равно: любит ли она меня или нет, я на это никакого внимания не обращаю. Я сам к ней совершенно равнодушен. Да зачем говорить? Этим она хочет показать, что я за ней ухаживаю. Нет, уж я предоставлю это другим.

Мерич. И прекрасно! И я бы на вашем месте то же сделал. Однако это жалко, если она выйдет замуж: она такая хорошенькая. Мне всегда жаль, когда хорошенькие девушки замуж выходят. Вам не жаль?

Милашин. Нет, не жаль.

Мерич. Софи Барашкова тоже недавно вышла замуж. Вы ее не знали?

Милашин. Нет, не знал.

Мерич. Мы были очень привязаны друг к другу. Вам я могу признаться, Иван Иванович, вы, конечно, никому не скажете: она меня очень любила. Вот, посмотрите, какое она мне письмо написала перед свадьбой. (*Вынимает.*) Хотите прочесть?

Милашин. Зачем же я буду читать чужие письма?

Мерич. Как хотите! (*Прячет опять.*) Я надеюсь, что вы никому не скажете. Марья Андревна, вероятно, в комнатах, — я пойду к ней! (*Уходит.*)

Явление шестое

Милашин и Хорьков.

Хорьков. Иван Иванович!

Милашин. А, вы здесь! Я вас и не заметил.

Хорьков. Что, этот Мерич часто здесь бывает?

Милашин. Прежде редко бывал, а теперь опять стал каждый день ходить.

Хорьков. Это дурно.

Милашин. Да вы представьте мое-то положение: каждый день ходит, черт знает, зачем!

Хорьков. Да вам-то что ж?

Милашин. Нет, как хотите, Михайло Иваныч, это мне ужасно неприятно.

Хорьков. Тут не об вас толк. Он может иметь очень дурное влияние на Марью Андревну. Я его давно знаю. Он еще мальчишкой был, сам к себе письма писывал да хвастался товарищам в пансионе, что от барышень получает. Если вы имеете влияние на Марью Андревну, так вы ее предостерегите: мне будет очень жаль, если она поверит этому пустому человеку.

Милашин. Хорошо, Михайло Иваныч. Покорно вас благодарю, что вы мне открыли глаза насчет этого человека. Я ей непременно скажу.

Хорьков. Да поверит ли она вам?

Милашин. Поверит, непременно поверит: она меня очень любит.

Хорьков. Едва ли, Иван Иваныч! Мне кажется, что она вас совсем не любит.

Милашин. Отчего вы так думаете? Разве я хуже других? Нет, уж извините! Вы меня не знаете: меня тоже женщины очень любят.

Хорьков. Ну, положим, что так. Только надо сделать поумнее, чтобы Марья Андревна не подумала, что мы из ревности хлопочем. Эх, не хочется мне с ним связываться-то только, а то бы я его сразу выгнал отсюда.

Милашин. Хотите, я это сделаю? Я буду в глаза смеяться над ним.

Хорьков. Из этого ничего не выйдет; Марья Андревна на вас рассердится, и только. А впрочем, что нам за дело, пусть их как хотят! *(Молчание.)* Чудак этот Мерич! Мне случайно попалась тетрадка из его дневника

да несколько писем, которые он писал нашей соседке, а та отдавала мужу, — уж чего там нет!

М и л а ш и н. Одолжите мне этих писем на время.

Х о р ь к о в. На что они вам? Пожалуй, возьмите.

М и л а ш и н. Покорно вас благодарю! (*Берет его за руку.*) Вы меня очень обязали.

Х о р ь к о в. Да за что вы меня благодарите: я стараюсь об Марье Андревне, а не об вас, потому что очень люблю ее и принимаю в ней большое участие.

М и л а ш и н. И я люблю...

Х о р ь к о в. Я верю. Мерич может очень много вреда сделать Марье Андревне. Он человек совершенно без правил.

М и л а ш и н. Да и мне ужасно надоел: старается очернить меня в глазах Марьи Андревны, мешают мне.

Х о р ь к о в. Пойдемте домой, Иван Иванович; нам, кажется, нечего здесь делать.

М и л а ш и н. Нет, мне нельзя уйти; мне надобно здесь остаться. Марья Андревна, пожалуй, рассердится, что я ушел.

Х о р ь к о в. Не беспокойтесь, не рассердится; ей теперь не до вас: нынче Анна Петровна ждет какого-то чиновника, которого она хочет просить о своем деле. Что вы будете здесь делать?

М и л а ш и н. Пожалуй, пойдемте.

Уходят. С другой стороны выходят
Мерич и Марья Андреевна.

Явление седьмое

Марья Андреевна и Мерич.

Мерич. Прощайте, Марья Андревна.

Марья Андреевна. Куда вы? Мне будет скучно одной; посидимте здесь немножко.

Садятся.

Мерич. Я слышал от Милашина, Марья Андревна, что вам сватают какого-то жениха.

Марья Андреевна. Да, Владимир Васильич, минутно сватают то одного, то другого.

Мерич. И вы пойдете?

Марья Андреевна. Не знаю; но что же мне делать? Надо же выйти замуж.

Мерич. Ну, я с своей стороны не вижу никакой необходимости; разве вас что-нибудь заставляет?

Марья Андреевна. Много причин. Вы не знаете наших обстоятельств.

Мерич. Но, боже мой, неужели это так необходимо?

Марья Андреевна. Маменька говорит, что необходимо.

Мерич. Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы делаете, Марья Андревна! Вы созданы для того, чтобы любить и быть любимой. Красотой должны любоваться все. Вы не имеете даже права отнять у нас это наслаждение и на всю жизнь отдаться одному человеку.

Марья Андреевна. Вы все шутите!

Мерич. Нет, не шучу. Вы рассудите, Марья Андревна, что это за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни... Ну, в деле сердца я бы не послушался маменьки. Для маменьки вы хотите губить свое счастье и счастье других. Какой еще вы ребенок!

Марья Андреевна. Да, если б это счастье было возможно для меня! А то мне нечего жалеть, нечего ждать! Меня никто не любит, я тоже никого не люблю.

Мерич. Вы никого не любите?

Марья Андреевна. Никого.

Мерич. И вас никто не любит?

Марья Андреевна. Мне кажется.

Мерич. В таком случае другое дело. Но все-таки страшно пожертвовать собой расчетам других.

Марья Андреевна. Что ж делать-то! Я буду выбирать такого человека, который, имея состояние, удовлетворял бы несколько и моим требованиям.

Мери ч. Откуда в вас такая положительность, такие практические правила?

Марья Андреевна. Нужда научит.

Мери ч. Если вы решились, я не хочу поколебать вашей решимости; она делает вам честь. Но что, если б вы полюбили кого-нибудь, если б вам случилось встретить человека, который вас любит пламенно, со всем пылом юношеской страсти?

Марья Андреевна. Я не знаю, Владимир Васильич, но едва ли это случится когда-нибудь.

Мери ч. (*меланхолическим тоном*). Теперь, когда уж дело кончено, когда вы соглашаетесь пожертвовать собой для вашей маменьки, что, разумеется, очень похвально, я могу вам сказать, что я вас любил, Марья Андреевна, любил страстно; я вас до сих пор люблю так, как никто вас любить не будет!

Марья Андреевна. Вы меня не обманываете, Владимир Васильич?

Мери ч. О нет, нет...

Марья Андреевна. Вы меня не обманываете?

Мери ч. Все клятвы, какие я знаю...

Марья Андреевна. Не нужно, не нужно... Ах, Владимир Васильич! Не обманывайте меня, ради бога! Вам так легко меня обмануть — я сама вас... люблю...

Мери ч. Ангел мой! Я не верю своему счастью... Зачем же слезы! Марья Андреевна! Машенька! Мери! (*Целует руку.*) Ну, взгляни на меня. Ты хороша! Ах, как ты хороша в эту минуту! Я бы желал, чтобы теперь весь свет тебя видел с этими слезами на глазах.

Марья Андреевна. Я, кажется, дурно сделала, что призналась вам.

Мери ч. Отчего же дурно? Тебе совестно, что у тебя есть сердце, что ты выше всех этих бесчувственных ку-

кол, которые хвастаются тем, что не любили никогда. Я могу оценить твою любовь.

Марья Андреевна. Я надеюсь. *(Припадает к нему.)* Ах, не смотри на меня, я, право, такая глупая; я думала, что у меня достанет твердости скрыть мою любовь.

Мерич. Да зачем же скрывать ее?

Марья Андреевна. Да, теперь уж, конечно, незачем. Напротив, теперь я хотела бы тебе вдруг открыть свою душу, чтобы ты знал, как много я люблю тебя.

Мерич. Зачем? Ты и так для меня дороже всего на свете.

Марья Андреевна. Нет, Владимир, нет, ты так меня не любишь, как я тебя люблю. Ты для меня все теперь, все, все! Ты веришь моим словам?

Мерич. А ты моим веришь?

Марья Андреевна. Не знаю: и хочется верить, и боюсь... С твоей стороны будет безжалостно обмануть меня.

Мерич. К чему эти черные мысли! Посмотри, вся природа нам улыбается.

Сидят несколько времени молча.

Марья Андреевна. Ах, боже мой, я и забыла: нынче к нам хотел приехать чиновник какой-то. Маменька так хлопочет, велела мне одеться хорошенько.

Мерич. Уж не жених ли какой-нибудь?

Марья Андреевна. Не знаю. Ты, впрочем, не беспокойся. Я скажу маменьке, что не нравится... Уж как-нибудь сделаю.

Мерич. И скоро будет?

Марья Андреевна. Я думаю, скоро.

Мерич. Так я пойду, прощай.

Встают со скамейки.

Марья Андреевна. Прощай. Когда же ты придешь? Приходи завтра поутру, маменьки не будет дома.

Мерич *(целует ее)*. Приду, приду. Прощай! *(Уходит.)*

Явление восьмое

Марья Андреевна (*одна, прислонившись к дереву*). Он ушел! Хорошо ли я сделала? Мне и стыдно, и весело. Что, если это только шалость с его стороны? Боже мой, как мне совестно за себя! (*Молчание.*) А если он любит в самом деле? Он всегда такой скучный, печальный. Он говорит, что до сих пор постоянно обманывался в женщинах. Ах, как бы мне хотелось знать, любит ли он меня... а я его очень люблю. Чего я для него не сделаю!.. все, все, все!.. (*Стоит, закрывши лицо платком.*)

Входит Дарья.

Явление девятое

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас! Сбилась с ног нынче день-то деньской... Барышня, а барышня! Где вы тут?

Марья Андреевна. А! Что?

Дарья. Ищу, матушка, засовалась совсем, как угорелая кошка. Кто-то приехал, маменька вас спрашивает.

Марья Андреевна. Приехал! Ах, боже мой!

Дарья. Пойдемте, я вам головку причешу, да и платье-то бы другое надели.

Марья Андреевна. Пойдем, пойдем.

Уходят.

СЦЕНА II

Комната первого действия.

Явление десятое

Добротворский и Беневоленский входят.

Добротворский. Пожалуйста, Максим Дорофеич, пожалуйста. Признаться сказать, вас не ждали так рано. Поторопились, батюшка, раненько пожало-

вали. Ну, известно, женское дело. Повремените малечко.

Беневоленский. Ты говорил, что здесь есть барышня хорошенькая. Ты смотри — я ведь разборчив.

Добротворский. Нет, как же можно, помилуйте, Максим Дорофеич. Такая барышня, что генералу взять не совестно. Я еще с папенькой ихним был знаком...

Беневоленский. А хорошо ли она образованна?

Добротворский. Отлично образованна.

Беневоленский. То-то же. Ты ведь знаешь меня, Платон Маркыч, у меня и состояние есть, и место, ну и знакомство. Мне такую невесту нужно, чтобы не стыдно было в люди показать: ну, чтоб и хозяйка в доме была, знаешь, в этаким чепчике, по-нынешнему, чтобы принять кого-нибудь... Ну, чтобы и тон этакий светский. Понял ты меня?

Добротворский. Как не понять! Уж, конечно, что вам за крайность на дурной жениться, сами-то вы ишь какой молодец! Ах, батюшка, голубчик! *(Треплет его по спине и потом кланяется.)*

Беневоленский. Ну, то-то же. Что, манишка у меня тут вот сзади не выбилась?

Добротворский. Нет-с, ничего — в исправности. Причесаться вам разве не угодно ли — вот гребеночка.

Беневоленский *(берет и причесывается перед зеркалом)*. Ну, так как же, братец, ты говоришь, хороша барышня-то?

Добротворский. А вот увидите, Максим Дорофеич. Что прежде времени говорить, сами посмотрите.

Беневоленский. Посмотрим, братец, посмотрим. А отдадут за меня, коли мне понравится?

Добротворский. Как, чай, не отдать. Да ведь что ж такое: попытка не шутка, а спрос не беда.

Беневоленский. Хорошо, братец, хорошо. *(Садится.)* Платон Маркыч! Ты не видал у меня дрожки?

Добротворский. Нет, не видал-с.

Беневоленский. А вороную, что на пристяжке ходит, не видал? Вот посмотри! *(Показывает в окно.)* Что, хороша?

Добротворский. Ах, проказник вы, проказник, Максим Дорофеич! Да ведь, чай, некупленная?

Беневоленский. Разумеется.

Добротворский. Ну, так даровому коню в зубы не смотрят.

Молчание.

Беневоленский. Послушай, Платон Маркыч, найди мне где-нибудь органчик небольшой.

Добротворский. Извольте, батюшка! На что вам?

Беневоленский. Канареек учить.

Добротворский. Хорошо, поищу.

Беневоленский. Поищи. *(Вынимает табакерку, нюхает.)* Хочешь?

Добротворский *(нюхает, потом берет табакерку и взвешивает то на одной, то на другой руке)*. Вещичка-то хорошая! Где изволили приобрести?

Беневоленский. Так, нечаянно хороший человек набежал. Да не помнишь ли ты, было у нас дело купца Пересемкина с малолетними наследниками купеческой племянницы Акулины Незамайкиной, доходило до Правительствующего сената и возвращено для справок...

Анна Петровна входит.

Явление одиннадцатое

Те же и Анна Петровна.

Беневоленский. Честь имею представиться. Коллежский секретарь Беневоленский.

Анна Петровна. Очень приятно познакомиться. Милости просим садиться. Служить извольте-с?

Беневоленский. Как же, служу-с с восемьсот тридцать восьмого года. Я вам скажу, — я очень доволен

своим местом и своим начальством. К службе я человек усердный, с подчиненными строг.

Анна Петровна. И родство имеете здесь, в Москве?

Беневоленский. Нет, совершенно никого-с.

Анна Петровна. Я думаю, вам (*к Добротворскому*) ... Как, бишь, Платон Маркыч, я все забываю?

Добротворский. Максим Дорофеич.

Анна Петровна. Памяти нет совсем, Максим Дорофеич! Вот что ты будешь делать, право. Я думаю, вам, Максим Дорофеич, скучно. Я вот по себе сужу, дело женское, сами знаете... Еще при покойнике-то было туда-сюда: ну знакомство все этакое, а теперь просто не знаю, что делать.

Беневоленский. Я с вами, сударыня, согласен.

Анна Петровна. Вот процесс теперь. Как это без мужчины; пожалуй, проиграешь.

Беневоленский. А позвольте узнать, в чем состоит ваше дело?

Анна Петровна. Я уж и не запомню всего-то, еще, пожалуй, проверю, а вот уж вам Платон Маркыч расскажет.

Добротворский. Вникните, батюшка, Максим Дорофеич, вникните!

Беневоленский. Хорошо, я посмотрю. Если можно что-нибудь, сударыня, сделать, так сделаем, а если нельзя, так не взыщите — наше дело такое. Конечно, кто богу не грешен, царю не виноват, но я вам доложу, нынче насчет этого очень строго.

Добротворский. Точно, матушка, строго. Это они правду говорят. Строгости пошли. Это так точно.

Анна Петровна. Скажите пожалуйста!

Беневоленский. Нынче уж держи ухо востро. Я вам про себя скажу: в постоянном страхе находишься. Нельзя, чтобы грешков не было; того гляди, под суд отдадут, выгонят из службы, куда денешься? Ну, хорошо, я холостой человек, а другой женатый...

Анна Петровна. А вы не намерены обзавестись семейством?

Беневоленский. Это вопрос, сударыня, очень важный в жизни, особенно в моей. Я имею состояние, всего у меня много, своих лошадей держу. Кабы посмотрели, какую я квартиру занимаю; вон Платон Маркыч видел. Ты видел, Платон Маркыч, квартиру?

Добротворский. Как же, видел-с; квартира отличная.

Беневоленский. Следовательно, чего же я должен искать, я вас спрашиваю?

Анна Петровна. Подругу жизни, Максим Дорофеич, я так думаю.

Беневоленский. Я с вами согласен, сударыня. Но, сколько мне известно, всякая жена есть подруга жизни. Я должен преимущественно искать хозяйку. Мое дело приобретать всеми силами, а ее дело хозяйничать. У меня порядку нет в доме; ведь, пожалуй, и растащат у холостого человека. Все может случиться.

Анна Петровна. Что мудреного, Максим Дорофеич.

Добротворский. Мудрено ли, долго ли до греха. Это точно.

Беневоленский. Я желал бы, чтоб недурна была собой и образованна, чтобы не стыдно было в люди показаться, выехать куда-нибудь. Хотя у нас знакомство и не важное, все больше мелкие чиновники, но все-таки, знаете ли, я вам скажу откровенно, приятно иметь красивую и образованную жену. А главное — мне нужно хозяйку.

Анна Петровна. Вы справедливо рассуждаете, Максим Дорофеич; но, может быть, вы захотите также большого приданого?

Беневоленский. Я? Нет-с, я не того ищущу. Девушку с состоянием за меня не отдадут, по незначительности моего происхождения и даже самого положения в свете. А есть невесты благородные и образованные, но

бедные — и для них-то, я вам без гордости скажу, такой жених, как я, — находка.

Анна Петровна. Я с вами согласна, Максим Дорофеич.

Беневоленский. Разумеется, я красотой не могу похвалиться; образование я тоже получил, сказать вам по простонародному выражению, на медные деньги; но я видел людей, не конфужусь в обществе и могу сказать, что очень развязен даже с дамами. Теперь я вас спрошу, что такое красота в мужчине? — Последнее дело.

Анна Петровна. Это одна глупость, Максим Дорофеич... Так, фантазии.

Беневоленский. Умная девушка не обратит внимания на красоту; для нее довольно, чтобы мужчина был умен, ну там... одет порядочно...

Анна Петровна. Непьющий...

Беневоленский. Конечно... А знаете ли вы, сударыня, я вам осмелюсь сказать, что в мужчине даже и это ничего. Как ты думаешь, Платон Маркыч, об этом?

Добротворский. Ничего, сударыня Анна Петровна, мужчине это не мешает. Был бы добрый человек.

Анна Петровна. Ну, как же, Платон Маркыч? Разве уж изредка, а то как же?

Беневоленский. В женщине это порок, я с вами согласен, а для мужчины даже составляет иногда необходимую потребность. Особенно если деловой человек: должен же он иметь какое-нибудь развлечение. Разумеется, я сам первый осуждаю тех, которые имеют к этому большое пристрастие. (*Молчание.*) Так вот, сударыня, я какое мнение имею насчет женитьбы. Впрочем, мне еще торопиться некуда, я могу выбрать невесту совершенно по моему желанию.

Добротворский. Куда вам торопиться, что вам за крайность.

Входит Марья Андреевна.

Явление двенадцатое

Те же и Марья Андреевна.

Анна Петровна. Дочь моя, Машенька! Максим Дорофеич Беневоленский!

Беневоленский. Очень приятно познакомиться. *(Подходит к руке, потом садится рядом очень развязно.)*

Вы, я слышал, очень любите музыку?

Марья Андреевна. Иногда, от скуки, играю.

Анна Петровна. Неправда, неправда: все сидит за фортепьянами, никак не отгонишь. Что, бишь, ты, Маша, играешь-то так часто, я все позабываю?

Марья Андреевна. Право, не знаю — я много играю.

Анна Петровна. Нет, вот это, что ты еще нынче играла?

Марья Андреевна. Из «Роберта-Дьявола» — Ггасе.

Анна Петровна. Да, да. *(Тихо.)* Будь поразвязнее.

Беневоленский. Вообразите, я никогда не видал этой оперы; говорят, очень хорошая музыка. Как-то раз собрались компанией, да и то не попали.

Анна Петровна. Как же это?

Беневоленский. Очень просто. Мы прямо из присутствия зашли обедать в трактир, чтобы оттуда отправиться в театр. Ну, люди молодые, про театр-то и позабыли; так и просидели в трактире.

Марья Андреевна *(тихо)*. Это ужасно!

Беневоленский. Я сам тоже люблю музыку, но, к несчастью, я не играю ни на одном инструменте, да деловому человеку это и не нужно. Играл прежде на гитаре, да и то бросил — некогда, совершенно некогда.

Марья Андреевна *(про себя)*. О господи!

Беневоленский. Вы, может быть, занимаетесь литературой? Барышни обыкновенно романы читают; еще в пансионах начинают читать потихоньку от надзирательницы.

Марья Андреевна. Да, я читаю кой-что. А вы?

Беневоленский. Я совершенно отстал; прежде читал, а теперь, знаете ли, дела, так решительно ничего не читаю.

Анна Петровна. Что это ты, Машенька! Когда читать Максиму Дорофеичу: у него и без того дела много, без этих глупостей.

Беневоленский. Что же нынче пишут, скажите?

Анна Петровна. Бог знает, что пишут, чего никогда не бывает — одни фантазии.

Добротворский. Именно, сударыня, фантазии. Так — мечта.

Беневоленский. Вероятно, больше все про любовь пишут.

Анна Петровна. Какая любовь! Все глупости, никогда этого не бывает. Чайку, Максим Дорофеич, не угодно ли?

Беневоленский. Нет-с, покорно благодарю — я до него совсем не охотник.

Добротворский. Что, сударыня, за чай; не такие мы гости, чтоб чай пить. А вы велите-ка закусочку подать, так мы с Максимом Дорофеичем по рюмочке бы выпили.

Анна Петровна. Сейчас, батюшка, сейчас. Извините меня, я вас оставляю на минуточку. *(Уходит.)*

Явление тринадцатое

Те же, без Анны Петровны.

Беневоленский. Это ты недурно выдумал, Платон Маркыч. *(Вынимает часы. К Марье Андреевне.)* Я обыкновенно в это время водку пью, такую уж привычку сделал.

Добротворский. Хе, хе, хе! А то что за чай! Что мы, дети, что ль, маленькие!

Беневоленский. Ваша маменька об любви рассуждает, как старый человек; я им не хотел противоречить,

потому что понимаю уважение к старшим. А я совсем противоположного мнения об любви; я сам имею сердце нежное, способное к любви; только у нас дел очень много: вы не поверите, нам подумать об этом некогда. (*Смотрит на нее нежно.*) Какие вы конфеты любите?

Марья Андреевна. Я никаких не люблю.

Беневоленский. Не может быть, вы меня обманываете. Вы хотите, чтоб я угадал ваш вкус. Позвольте мне привезти вам в следующий раз. Платон Маркыч, какие Марья Андреевна конфеты любят, они не сказывают?

Добротворский. Не знаю-с; надо у маменьки спросить.

Беневоленский. А вот мы спросим.

Марья Андреевна. Пожалуйста, не беспокойтесь; я не хочу никаких конфет.

Беневоленский. Ну, уж как вам угодно, а я все-таки привезу. Позвольте вас попросить сыграть что-нибудь.

Марья Андреевна. Я, право, ничего не играю.

Беневоленский. Сделайте одолжение, я стану на коленях просить вас.

Марья Андреевна. Ах нет, зачем же! Извольте. (*Садится к фортепьянам, берет несколько аккордов и начинает играть.*)

Входит Анна Петровна, за ней Дарья вносит закуску, ставит на стол и уходит.

Явление четырнадцатое

Те же и Анна Петровна.

Анна Петровна. Не угодно ли, Максим Дорофеевич; пожалуйста, без церемонии.

Беневоленский. Не беспокойтесь.

Добротворский. С вас начинать. (*Наливает.*) Пожалуйста.

Беневоленский (*пьет, потом закусывает и, еще не прожевавши, подходит к фортепьянам и начинает под-*

певать. *Марья Андреевна оборачивается и взглядывает на него вопросительно*). Не в тон взял... Сделайте милость, продолжайте.

Анна Петровна. Играй, Машенька.

Добротворский. *Марья Андреевна отменно играют.*

Беневоленский. Очень проворно. У меня был товарищ, он был регентом в певчих, так он на фортепьянах все, что вам угодно, самоучкой играл, по слуху; только проворства в пальцах нет; ну, вот что вы хотите, нет проворства.

Добротворский. Не повторить ли, Максим Дорофеич? Как это говорится-то: репетиция...

Беневоленский. *Est mater studiorum*¹. Да, это правда. Налей.

Добротворский *(наливает)*. Пожалуйста, готово-с.

Беневоленский *(пьет и закусывает)*. Прекрасный балык.

Анна Петровна. Уж не знаю, Максим Дорофеич, коли не обманул купец, так хорош. Везде все сама. Дело женское, сами знаете, долго ли обмануть? Без мужчины в этом деле никак нельзя. Как это без мужчины, посудите сами!

Добротворский *(отводит к стороне Беневоленского и говорит тихо)*. Ну, батюшка, Максим Дорофеич, как вам наша барышня показалась?

Беневоленский. Послушай ты, Платон Маркыч, довольно с тебя этого: я влюблен. Я деловой человек, ты меня знаешь, я пустяками заниматься не охотник, но я тебе говорю: я влюблен. Кажется, этого довольно. *(Подходит к Марье Андреевне и опять подпевает.)*

Анна Петровна *(Добротворскому)*. Что он вам говорил?

Добротворский. Говорит: влюблен.

Анна Петровна. Что?

¹ ...мать учения *(лат.)*.

Добротворский. Влюблен, говорит.

Анна Петровна. Ну, и слава богу. Потчуйте его, отец мой, хорошенько.

Добротворский. Хорошо, сударыня, хорошо. Максим Дорофеич, винца не угодно ли?

Беневоленский. Налей.

Марья Андреевна (*перестает играть и остается на стуле*). Я устала.

Беневоленский. Чувствительно вам благодарен. Вы прекрасно играете, главное — нигде не сбиваетесь; а то барышни обыкновенно сбиваются. (*Смотрит на часы.*) Извините меня, Анна Петровна, мне пора, у меня дела много, я ведь человек деловой. Позвольте мне выпить рюмку вина и проститься с вами. (*Подходит к столу и пьет.*) Ты со мной, что ли, Платон Маркыч?

Добротворский. С вами, Максим Дорофеич.

Беневоленский. Ну, поедем, я тебя довезу.

Анна Петровна. Да вы бы, Максим Дорофеич, закусили чего-нибудь.

Беневоленский. Нет-с, покорно благодарю. Я выпью еще рюмку вина и имею честь откланяться. (*Пьет и раскланивается, подходит к Марье Андреевне и целует руку.*) До приятного свидания! Вы мне, вероятно, позволите еще раз посетить вас.

Анна Петровна. Сделайте милость, мы очень будем рады.

Беневоленский. А уж конфект привезу, непременно привезу. (*Уходит с Добротворским.*)

Анна Петровна. Какой человек-то, Машенька, чудо просто!

Марья Андреевна. Господи! Что это за мука! (*Убегает.*)

Анна Петровна. Машенька! Машенька! Куда ты? постой! Ну, вот, теперь поди разговаривай с ней. Эко наказание!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

Явление первое

Анна Петровна входит в салопе, с большим ридикулем;
за ней Марья Андреевна.

Анна Петровна (*садится на стул подле двери*). Не забыть бы чего! Сначала в город... Ты все записала, что купить-то надо?

Марья Андреевна. Все, маменька.

Анна Петровна. Где, бишь, записочка-то? Постой! Да, в ридикуле. Так сначала в город, потом в суд зайти, об деле справиться. Еще чего не надо ли?

Марья Андреевна. Нет, ничего. Ступайте, маменька, скорей, а то опоздаете.

Анна Петровна. Прощай, бог с тобой! (*Идет, потом возвращается.*) Скажи Дарье, чтобы без меня никого не принимать, особенно из молодежи: ты теперь невеста, за тебя женихи сватаются. Что хорошего, еще какой-нибудь разговор пойдет.

Марья Андреевна. Хорошо, маменька, хорошо. Ступайте скорей.

Анна Петровна. Ну, прощай! Я скоро буду. (*Уходит.*)

Явление второе

Марья Андреевна *(одна)*. Насилу-то ушла. А уж я боялась, что Владимир придет при ней... Знает ли Владимир, с каким нетерпением я жду его?.. *(Садится к столу.)* Я только теперь узнала, какое блаженство любить и быть любимой!.. Что же это он нейдет?.. Я измучаюсь от нетерпения... Однако хорошо ли я сделала, что велела ему сегодня прийти?.. Мы будем одни... *(Молчание.)* Если б можно было знать будущее, как бы я желала узнать, чем кончится наша любовь. А впрочем, что мне за дело, чем это кончится — мне теперь хорошо: я люблю его, он меня любит, а там будь что будет. Кто-то идет! Не он ли? *(Бежит к двери.)*

Милашин входит.

Явление третье

Марья Андреевна и Милашин.

Марья Андреевна. Вы зачем?

Милашин. Как зачем? Я к вам пришел.

Марья Андреевна. Маменьки нет дома; она не велела никого принимать без себя.

Милашин. Полноте шутить-то!

Марья Андреевна. Я совсем не шучу! Право, маменька не велела никого пускать.

Милашин. Ну, я вашей маменьки не послушаюсь... Но, может быть, вам самим не угодно, чтобы я здесь оставался?

Марья Андреевна. Ну, а если мне не угодно?

Милашин. В таком случае я уйду.

Марья Андреевна. Ну и прощайте!

Милашин. Прощайте! Однако позвольте мне, по крайней мере, узнать, отчего вы меня гоните?

Марья Андреевна. Ах, боже мой! Ну, да так, из капризу. Неужели вы не хотите исполнить ни одной моей просьбы?

Милашин. Как же я смею не исполнить!

Марья Андреевна. Так ступайте!

Милашин. Я пойду, что вы беспокоитесь.

Марья Андреевна. А сами ни с места.

Милашин. Да ведь это странно: вдруг, ни с того ни с сего, вы меня гоните, не хотите даже сказать причины. Это ведь досадно!

Марья Андреевна. Ну, оставайтесь, пожалуй; я уйду в свою комнату, а вы сидите здесь одни. *(Молчание.)* Так вы не уйдете?

Милашин. Уйду-с... Я ведь к вам нынче за делом пришел.

Марья Андреевна сидит, отвернувшись к окну.

Вы меня не слушаете, а это дело касается вас.

Марья Андреевна. Что еще такое?

Милашин. Я хотел вам открыть глаза насчет одного человека.

Марья Андреевна. То есть вы сплетничать пришли. Так это можно сделать в другой раз, когда-нибудь на досуге.

Милашин. Нет, не сплетничать, а я хотел только предостеречь вас.

Марья Андреевна. В другой раз, Иван Иваныч, пожалуйста, в другой раз! Ужо приходите.

Милашин. Да ведь только десять слов, Марья Андреевна. Я узнал про одного человека очень хорошие вещи.

Марья Андреевна *(в сторону)*. Это наказание! *(Милашину.)* Про кого же?

Милашин. Про Мерича...

Марья Андреевна. Не рассказывайте мне, пожалуйста, я все знаю. *(В сторону.)* Мерзавец, выдумал что-нибудь про него.

Милашин. И прекрасно, что вы знаете; мне только этого и хотелось. Каков! Каким прикидывается!

Марья Андреевна. Да, да, ужасный человек!

Милашин. Ничего нет ужасного. Просто смешон! Мальчишка! Над всеми его шутками смеяться нужно.

Марья Андреевна. Ну да, смешон! Иван Иванович, вы меня любите?

Милашин. Люблю, Марья Андреевна, ей-богу, люблю!

Марья Андреевна. Сделайте для меня одно одолжение.

Милашин. Все, что вам угодно; я для вас готов жизнью пожертвовать.

Марья Андреевна. Должно быть, на словах только? Я целый час прошу вас уйти, а вы все ни с места.

Милашин. Сейчас, сейчас! (*Берет шляпу.*) Прощайте! (*Идет, потом возвращается.*) Марья Андреевна! Умоляю вас, скажите, зачем вам хочется одной остаться?

Марья Андреевна. Иван Иванович, мы поссоримся!

Милашин. Виноват, виноват! (*Несколько времени стоит.*) Позвольте вашу ручку поцеловать на прощанье.

Марья Андреевна. С удовольствием!

Милашин целует, потом уходит.

Явление четвертое

Марья Андреевна (*одна*). Наконец-то ушел. Бедный Владимир! Какой-нибудь Милашин смеет рассказывать про него, рассуждать об его поступках... Это ужасно! Он, бедный, нигде не находит сочувствия. Оттого, что он выше всех стоит, ему душно в этом обществе, — ему все завидуют. Я так его люблю в эту

минуту, что, кажется, всем бы для него пожертвовала. *(Задумывается.)* Однако что же он нейдет? *(Садится у окна и смотрит.)* Это, кажется, он! Брошусь ему на шею прямо, ни об чем не думая! *(Отходит на середину комнаты.)*

Входит Мери ч. Она робко подходит к нему.

Явление пятое

Марья Андреевна и Мери ч.

Марья Андреевна. Как я рада! Как я ждала тебя, Владимир!

Мери ч. Мы одни?

Марья Андреевна. Одни.

Мери ч целует ее.

Ах, сколько передумала я, перечувствовала со вчерашнего дня — ты не поверишь. Мне хочется пересказать тебе это поскорей, поскорей — я боюсь забыть.

Мери ч. Что же такое ты перечувствовала?

Марья Андреевна. Ты, может быть, будешь смеяться — смейся, пожалуй. Пойдем сядем к окну, оттуда видно будет, как маменька пойдет.

Мери ч. А ты меня поцелуешь еще разик?

Марья Андреевна. Хоть десять раз, только поговорим немножко о моем положении.

Мери ч. Ну, поговорим. Что же ты мне будешь рассказывать?

Марья Андреевна. Я тебе хотела много, много сказать. Вчерашнее наше свидание так было коротко, так много я думала о тебе вчера вечером, ночью, нынче поутру... а теперь я так взволнована: мне кажется, я уж все позабыла.

Мери ч. Ну и хорошо, что позабыла.

Марья Андреевна. Ах, вообрази, Владимир! Вчера вдруг явился какой-то урод, говорил об музыке, об

литературе, хотел мне конфет привезть. Каково было мое положение! Препротивный! Маменька за ним ухаживает... Да ты меня не слушаешь!..

Мерич. Я гляжу на твои глазки. Какие они у тебя хорошенькие. Так и хочется поцеловать. Я помню другие такие глазки... Она умерла... Бедная женщина! Ну, да что толковать о прошедшем: будем пользоваться настоящим. Ах, Мери, много я пережил... Я боюсь, хватит ли у меня сил, чтоб отвечать твоей детской любви. Если б я встретил тебя, Мери, года два тому назад!..

Марья Андреевна. Да ты выслушай, ради бога.

Мерич. Хорошо, хорошо — слушаю.

Марья Андреевна. Приехал этот Беневоленский. Он груб, необразован — просто ужас!

Мерич. Мери! Ведь это скучная материя. Зачем нам на эти пустяки терять драгоценное время?

Марья Андреевна. Да как же мне быть с этим Беневоленским? Я просто его боюсь.

Мерич. Стоит об этом думать! Тебе что за дело до этого Беневоленского?

Марья Андреевна. А маменька-то? Как же мне быть с маменькой-то? Ах, Владимир, ты многого не знаешь и не хочешь слушать.

Мерич. Что мне знать! Я знаю только одно, что ты меня любишь; а если ты меня любишь, то я не думаю, чтоб ты пошла за Беневоленского.

Марья Андреевна. Но все-таки я в очень неловком положении. Посоветуй, что мне делать.

Мерич целует ее в плечо.

Ах, Владимир, кабы ты знал, как мне тяжело, а ты все с нежностями!

Мерич. Ах, боже мой, Мери, я люблю тебя! Я рад случаю, что застал тебя одну, а ты мне рассказываешь про маменьку, про женихов каких-то; да какое мне дело до них? *(Целует опять в плечо.)*

Марья Андреевна (*уклоняется от него*). Тебе, кажется, и до меня нет никакого дела, потому что ты не хочешь войти в мое положение. Бог с тобой!

Мерич. Ты сердишься... И это любовь!

Марья Андреевна. А это любовь, что ты меня слушать не хочешь? (*Плачет.*)

Мерич. Вот и слезы! Раненько! (*Садится на стул.*) Впрочем; я так и думал! Это уж обыкновенная история! Вот любовь-то ваша! Сначала признания, страстность, а потом — либо папенька, либо маменька, или там жених какой-нибудь.

Молчание.

Марья Андреевна. Владимир! Ты сердишься?

Мерич. Нет, я уж привык к этому. И тебе не жаль меня, Мери? Я уж и так измучен жизнью, а ты мне не хочешь доставить ни одной минуты неотравленного удовольствия.

Марья Андреевна. Не сердись, Владимир... Помиримся. (*Целует его.*) Мало тебе этого?

Мерич. Очень мало.

Марья Андреевна целует его еще несколько раз.

Смелей, Мери, смелей! Вот теперь я вижу, что ты умная девушка. Ах, Мери, я вспомнил одну женщину: вот это была любовь!

Марья Андреевна. Зачем же ты мне это говоришь? Ты думаешь, мне это приятно слышать?

Мерич. Что ж это? Ревность! Ты разве ревнива? Я очень люблю дразнить ревнивых женщин.

Марья Андреевна. Нет, это не ревность, а мне обидно, что ты говоришь о других женщинах в то время, когда я к тебе ласкаюсь. Ты и про меня также станешь рассказывать...

Мерич. За кого же ты меня принимаешь! Нет, Мери, мне уж некого больше любить. Поцелуй меня, Мери!

Марья Андреевна. Довольно, Владимир, довольно. Лучше поговорим о чем-нибудь.

Мерич (*садится рядом с ней и обнимает ее*). О чем говорить, о чем говорить?

Марья Андреевна (*проворно взглядывает в окно*). Ах! Маменька!..

Мерич (*вставая со стула*). В самом деле?

Марья Андреевна (*смеется*). Нет, я нарочно, только чтобы ты сел подальше. В самом деле, Владимир, сядь подальше, да поговорим. Мне так хочется поговорить с тобой.

Мерич (*рассеянно*). В следующий раз я тебе принесу свой дневник, мы его читаем вместе, а теперь, знаешь ли что? Пойдем в сад.

Марья Андреевна. Как можно! Того и гляди, маменька придет.

Мерич. А скоро она придет?

Марья Андреевна. Я думаю, скоро.

Мерич. Так прощай.

Марья Андреевна. Тебе уж скучно стало, не правда ли? Тебе скучно? Какой ты, Владимир! Кабы ты знал, с каким нетерпением я ждала тебя! Какое мне наслаждение тебя видеть! А ты десяти минут не хочешь посидеть со мной.

Мерич. Я боюсь, что Анна Петровна меня здесь застанет; тебе же будут неприятности.

Марья Андреевна. Ну что ж, она побранит меня, да и все тут.

Мерич. Ведь и мне тоже достанется. А впрочем, у меня есть дело необходимое: я, пожалуй, минут десять побуду, а больше нельзя. (*Садится подле нее*.) Я готов всю жизнь сидеть с тобой и любоваться на тебя.

Марья Андреевна. Ты, кажется, опять близко ко мне.

Мерич. Какие вы все странные: уйди от вас — вы сердитесь; очень близко к вам — вам тоже не-

приятно. Выбирай из двух: или уйти, или сидеть подле тебя.

Марья Андреевна. Останься, только с уговором: посиди подольше.

Мерич. Изволь, изволь. *(Обнимает ее. Сидят несколько времени молча.)* Погоди, мой друг Мери, придет время, когда я назову тебя своей торжественно, публично. Ты пойдешь за меня?

Марья Андреевна. Зачем же ты спрашиваешь?

Мерич. А может быть, тебя не отдадут за меня?

Марья Андреевна. Вот вздор какой!

Мерич. Впрочем, мне надобно устроить кой-какие дела свои — и тогда, Мери, тогда... мы с тобой заживем славно.

Марья Андреевна. Да только сбудется ли это?

Мерич. Сбудется, Мери, сбудется. Я не посмотрю ни на какие обстоятельства... Не отдадут тебя — я увезу.

Марья Андреевна. Маменька идет!

Мерич. Куда ж мне теперь деться? Ведь я ей на встречу попадусь. Мне бы этого не хотелось.

Марья Андреевна. Ступай через сад.

Мерич. Прощай. *(Целует ее.)*

Марья Андреевна. Прощай! Когда же?

Мерич. Скоро, скоро.

Марья Андреевна. Приходи поскорей!

Мерич уходит.

Явление шестое

Марья Андреевна *(одна, садится за работу)*.
Боже мой, как я счастлива! Я не могу опомниться!..
Теперь для меня не страшна жизнь. Что б ни делалось
вокруг меня — у меня есть надежда. *(Сидит, задумавшись.)*

Входят Добротворский и Анна Петровна,
Дарья снимает с нее салоп и уходит.

Явление седьмое

Марья Андреевна, Добротворский
и Анна Петровна.

Анна Петровна (*садится*). Что же нам теперь делать-то, Платон Маркыч?

Добротворский. Что делать-то, сударыня, — божья воля! В отчаяние только приходиться не надо.

Анна Петровна. Куда я теперь денусь с дочерью-то? Посудите, Платон Маркыч! Что я знаю, что я умею? Уж и до этого-то горя я не знала, что делать, а теперь вовсе дура сделалась. Посоветуйте.

Марья Андреевна. Что такое, маменька, сделалось?

Анна Петровна. А то, что вот мы с тобой нищие теперь. Дело-то наше проиграно, дом-то отнимут, да еще взыскание положено.

Марья Андреевна. Ах, какое несчастье!

Анна Петровна. Что делать-то, Платон Маркыч? Посоветуйте.

Добротворский. Что я вам могу, сударыня, посоветовать? Ничего не могу. Вот хоть теперича прикажите меня казнить — ничего не выдумую. Состарелся, поглупел. Делец был, Анна Петровна!.. Что ж делать-то?.. Вот уж и оглох совсем...

Анна Петровна. Да вы все-таки мужчина, а я и ума не приложу; женщина я слабая, сырая — да и памяти совсем нет.

Добротворский. Какой уж я мужчина! Эх, эх! Вот так-то и всегда бывает: не ждали, не чаяли, а тут вдруг такое несчастье. Ах ты, господи, боже мой! (*Качает головой.*)

Анна Петровна. Эко горе-то, Платон Маркыч, мне на старости лет-то! Одна-то одинешенька, без мужчины... Вон еще обуза-то: не знаю, как с рук сбить.

Добротворский. Точно, сударыня, точно... Уж что говорить.

Анна Петровна. Да уж, горюй не горюй — этим не можешь.

Добротворский. Не можешь.

Анна Петровна.хлопотать надо как-нибудь; говорят, в сенат надо жалобу подавать.

Добротворский. Надо, сударыня, непременно надо; как же можно не хлопотать...

Анна Петровна. Знакомых-то у меня нет, попросить-то некого.

Добротворский. Кого, сударыня, просить! Кто хлопотать станет! Попросить, так надо денег дать.

Анна Петровна. Поищите, Платон Маркыч, нет ли у вас кого из знакомых, чтобы делами-то занимался.

Добротворский. Да уж, кроме Максима Дорофеича, некого просить.

Анна Петровна. Вот и прекрасно! Он вчера с вами говорил что-нибудь, как от нас-то поехал?

Добротворский. Как же, говорил-с. Он говорит: коли отдадут Марью Андревну, так я хлопотать стану. Это дело еще можно исправить. Мне, говорит, Марья Андревна очень нравится; мне, говорит, лучше и не надо; узнай, как их расположение, а я, говорит, хоть сейчас готов.

Анна Петровна. Что ж вы до сих пор молчали?

Добротворский. Извините, сударыня, совсем из ума вон, а теперь вот к слову пришлось, и сказал.

Анна Петровна. Слышишь, Машенька!

Марья Андреевна. Что такое?

Анна Петровна. Ты Максиму Дорофеичу очень понравилась.

Марья Андреевна. Очень рада.

Анна Петровна. Ну, и слава богу, что рада; он предложение делает.

Марья Андреевна. Ни за что на свете!

Анна Петровна. Ты никак с ума сошла, как я погляжу на тебя. Разве ты не видишь, что нам теперь больше делать нечего; не по миру же нам идти.

Марья Андреевна. Лучше, маменька, и не говорите про Беневоленского, я про него и слышать не хочу.

Анна Петровна. Что ты! Что ты! Ты опомнись — ведь не десятки женихов-то у тебя, выбирать-то не из кого; не сотни тысяч за тобой, чтоб такими женихами брезгать: такого-то жениха нам с тобою и не дожидаться.

Марья Андреевна. Ради бога, маменька, не говорите мне про Беневоленского.

Анна Петровна. Ты дура совсем, я вижу. Да что с ней толковать, у нее еще все ветер в голове; она и сама не знает, что говорит... Неужто ее глупости слушать? Скажите, Платон Маркыч, Максиму Дорофеичу, что мы очень рады, чтобы он формальное предложение сделал.

Добротворский. Хорошо, сударыня, нынче же скажу.

Марья Андреевна (*быстро встает со стула*). Что вы делаете! Платон Маркыч, не ходите к Беневоленскому! Он мне не нравится, он мне противен!.. Я не пойду за него ни за какие сокровища!

Анна Петровна. Что вы ее слушаете, все вздор болтает! Я уж и не знаю, какой дрянью у ней голова-то набита. Делайте, как я вам говорю, что ее слушать; она еще одумается двадцать раз.

Марья Андреевна. Я не стану ничего говорить; делайте, что хотите, только я не пойду за Беневоленского.

Анна Петровна. Ты не пойдешь?

Марья Андреевна. Не пойду.

Анна Петровна. А мне кажется, что это только каприз у тебя; только, чтоб матери напротив что-нибудь сделать. Тебе меня только расстроить хочется. А ты пожалей меня на старости лет; ты видишь, я и так насилу ноги таскаю. Я женщина сырая, а тут этакой удар — последнее состояние отнимают! Вот, говорят, в сенат надо